

ПЕРЕВЕРНУВ ПОСЛЕДНЮЮ СТРАНИЦУ... (Несколько заметок на полях этой книги)

Вот и перевернута последняя страница книги. Пережита еще и еще... одна жизнь. Вся загадка драматургии в том, что она живет дважды: на страницах книги и в театре на сцене (вспомним знаменитое: "Вся жизнь – театр"). Вместе с тем, создавая пьесу, драматург и режиссер воплощают в диалогах, жестах, мимике актеров, в костюмах и декорациях саму Жизнь. Только в пьесе ситуации концентрируются настолько, что порой кажутся более жизненными и правдоподобными, чем те, которые преподносит сама жизнь. В этом смысле нам импонирует определение драматургии, данное Патрисом Пави в его "Словаре театра", как *теории возможностей представлять мир*. Именно так, не более и не менее – представлять мир, состоящий из частных и обобщений, из черного и белого, красного, серого, желтого...

Перевернута последняя страница книги пьес Натальи Княzewой...

Чтобы быть сегодня драматургом, нужно иметь смелость и быть Мастером, ибо нужно выдержать огромную конкурентную борьбу: в театральной очереди стоят *уже любимые* пьесы всех времен и народов. Прагматичное время слишком часто делает драматургов президентами или вице-президентами стран (вспомним Вацлава Гавела, Арпада Генца, Блугу Димитрову) или Папой Римским (как не вспомнить Иоанна Павла II?). Сегодня нередко на смену Пьесам приходят отдельные тексты, которые лишь придают значимость какой-то большой фантазии отдельной личности, служат украшением действия. Но все же чаще настоящий драматург – это врач общества, потому что он острее ощущает боль, потому что имеет смелость показать человеку зеркало, потому что умеет убедить больного в том, что тот болен (а это уже половина дела).

Именно такой исцеляющей представляется нам драматургия Натальи Княzewой. Концентрат жизни в ее пьесах – хорошее лекарство в мире лжи, фальши и забвения, в мире ПОСТ- (травматизма, модернизма, авангардизма и т.д. и т.п.).

Аристотель говорил об очищающей силе трагедии: "*Трагедия есть подражание действию важному и законченному <...>, совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных страстей*". Сегодня катартический метод активно используется в психотерапии для

разрядки патогенных аффектов. Припоминая и переживая события, которые стали источником душевной травмы, человек начинает адекватно реагировать на них. Пьесы Натальи Княzewой, переполненные эмоциями, дают возможность простому человеку вновь пережить собственную жизненную драму и через это дают возможность самовыражения, разрядки. Когда-то знаменитая Фаина Раневская говорила: *“Я не признаю слова “играть”. Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно”*. Перефразируя эти слова, отметим: *“Пьесе нельзя написать, ее нужно пережить”*.

Пьесы Натальи Княzewой – это новая страница украинской драматургии, знакомство с которой у белорусского читателя чаще, к сожалению, ограничивается чтением произведений Леси Украинки, Ивана Франко и Александра Корнейчука. Оригинальные по форме и содержанию, эти пьесы представляют читателю новую модель реальности с новым героем.

Кто герой этих произведений? Он? Она? Принц? Шут? Мальчик, любящий кого? Женщина в ожидании Ангела Любви? Нет! Самым главным героем является Чувство. То чувство, которое было изначально, чувство, подаренное человеку свыше: *“Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь”* (1Иоан.4:7-8). Именно это чувство делает человека Человеком, оживляет и испепеляет. В пьесах Натальи Княzewой это достигается принципиальным разрушением внутреннего равновесия читателя; при этом выходит на первый план подсознание, создается иллюзия возможности изменения мира – мира, в котором человек не может оставаться нормальным, потому что *“кому нужна эта нормальная жизнь! Что такое норма? Это клетка для живой души”* (“Позвольте хлопнуть дверью” – пьеса, не вошедшая в сборник).

Показательным является подбор действующих лиц в пьесах сборника “Откройте счастью двери”. Обращают на себя внимание инфернальные сущности: Кукла-Нимфа, Голова, Летучая Мышь (“1001 поцелуй за ночь”), Фея, Человек, одетый в черное (“Эдит Пиаф. Иллюзия реальности”), Дьявол (“Крик, или В ожидании Ангела Любви”), куклы, Смерть (“Музей любви”). Действующие лица – это оживающие на сцене человеческие эмоции, находящие выход в различных архетипных установках (Она – мать, женщина, женское эмоциональное начало, Он – сильное разумное, приземленное начало, Ангел – духовное, Тень – второе “Я” человека). Символическими являются и исторические личности, которые выведены на сцену. Так, вечная Золушка, *сделавшая себя*

эталоном женственности, заключена в образе Эдит Пиаф (“Эдит Пиаф...”), женская гордость – в Клеопатре, мать и любовница – в Айседоре Дункан, Женщина и Художник – в Лесе Украинке (“Музей любви”).

Создается впечатление, что Наталья Князева последовательно реализует в своих драматургических произведениях концепцию нидерландского историка и философа-идеалиста Йохана Хейзинга, который видел в игре высшее проявление человеческой сущности. Очень часто жизнь в пьесах этого сборника (“Желанный тиран”, “Эдит Пиаф...”, “Музей любви”) представлена во внутренних театральных постановках (игра в игре), что вместе с активным вплетением в ткань пьесы стихов Есенина, Цветаевой, Украинки, Яблонской и др., цитированием Чехова сближает эти произведения с постмодернистской драматургией.

Еще одной важной особенностью пьес Натальи Князевой является активное использование приемов театра абсурда. Абсурд – это результат глухоты и непонимания партнеров, которые не могут или не желают понимать друг друга. В пьесах данного сборника изображаются люди, которые чувствуют и переживают абсурдность чужого для них мира, механистичность и обыденность своего существования, ограниченность человеческой экзистенции. Именно поэтому произведения Натальи Князевой могут иметь множество толкований и некий сокрытый трудноуловимый смысл. В чужом мире существует зло непонимания, ненависти, но спасительной соломинкой остается глубокое чувство. Как здесь не вспомнить вечную библейскую истину: *“Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи”* (Прит. 10:12).

Именно поэтому ни один из финалов пьес Натальи Князевой не расставляет точки над “i”. Сплошные вопросы и многоточия. Этот факт кажется нам симптоматичным. В неустойчивом мире нельзя быть до конца уверенным ни в чем. А неуверенность рождает страх. Парадоксальной в этом смысле является пьеса «Откройте счастьем двери», которая имеет притчевый характер. *Настоящая жизнь* не может быть исключительно радостной и счастливой. И не случайно из уст Мальчика раздается: *“Я устал все время радоваться, больше не хочу!”* Вместе с тем перманентное несчастье – это не характерное для человека состояние. Каждое действие пьесы поражает своей реалистичностью. Например, история о происхождении зла: *“... все ведь начинается с малого. <...> Люди в нашем королевстве были красивыми и добрыми. Но как-то кто-то о ком-то тихонечко плохо подумал. Потом люди стали думать плохо чуть громче, потом – почти говорить. И вот однажды непристойность вырвалась вслух. И все перестали даже стыдиться плохих поступков”*. В данном случае это модель современного

общества с его философией гедонизма и утилитарным отношением к вещам – и вот уже большинством как норма воспринимается хамство в повседневной жизни, люди перестали стесняться в выражениях, перестали говорить друг другу добрые слова. Рецепт же счастья, вложенный в уста Принца, на удивление прост: *“Чтобы в дом пришло счастье, нужно всего лишь открыть двери и улыбнуться”*. Пусть банально и может слишком просто, но много ли нужно усилий, чтобы поднять кому-то настроение?.. На фоне всего этого несколько удивительным звучит финальная фраза Автора в пьесе *“Откройте счастьем двери”*: *“И замок наполнился смехом, восторгом и надеждой... Конечно же ненадолго... До следующего переворота”*. Этот финал звучит напоминанием всем: мир положительных эмоций, построенный на Любви, слишком хрупок, его легко разрушить. И человеческая жизнь – это постоянное разрушение и созидание. Вечно только чувство. И снова обратимся к Книге книг: *“Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал, а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше”* (1Кор. 13:4-8, 11-13).

Можно долго говорить о том, что есть в пьесах этого сборника; каждый в них найдет свое. Но в них точно нет угождения низким чувствам, нет пошлости и грязи. Кому-то может показаться странной форма некоторых произведений, кому-то слишком наивными идеи человеколюбия, а кому-то пьесы просто не понравятся. Но если перевернута последняя страница, то значит эти произведения нужны. А если, перевернув последнюю страницу этого сборника, в тот же момент или через несколько лет захочется вернуться к первой, если сразу же после прочтения на афише театра надписи *“Наталья Князева”*, захочется непременно посетить храм Мельпомены, то МИР НЕ ТАК УЖ ПЛОХ, А ЖИТЬ ПРЕКРАСНО.

В. КОРОТКЕВИЧ